

Д.С. Артамонов*

Право на убийство: моральный и политико-правовой аспекты замысла декабристов о цареубийстве

В литературе о движении декабристов существует убеждение о несоизмеримости их вины перед самодержавием и наказанием, которое они понесли. Действительно, а заслужили ли члены тайных обществ смертную казнь и каторгу? С точки зрения их самих, общественного мнения и либеральной правовой мысли — конечно, нет¹, но по законам императорской России того времени — безусловно, да.

Приговором Верховного уголовного суда от 5 июня 1827 г. подсудимым был поставлен в вину «умысел на потрясение империи, на ниспро-

---

* Доцент кафедры истории и философии Саратовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

¹ См.: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 19 т. М., 1996. Т. XIII. С. 291; Языковский архив. СПб., 1913. Т. I. С. 240; Цебриков Н.Р. Воспоминания о Кронверкской куртине // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. I. С. 258; Поджио А.В. Записки. Письма. Иркутск, 1989. С. 124–125; Фризман Л.Г. Декабристы и русская литература. М., 1988. С. 42–43, 70; Боленко К.Г., Сомов Н.В. Верховный уголовный суд 1826 года: декабристская версия в историографической традиции // Пушкинская конференция в Стэнфорде 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 157.

вержение коренных отечественных законов, на превращение всего государственного порядка» (XVII, 188)². Следовательно, было определено, что членов тайных обществ и участников военных выступлений в Санкт-Петербурге и на Юге судили именно за их намерения, а не за конкретные дела, так как государственного переворота совершить им не удалось. Но от этого они не стали менее виновными, более того, их вина была доказана. Судьи классифицировали ее следующим образом: «К совершению сего умысла предполагаемы были три средства, три рода злодеяний: 1) цареубийство, 2) бунт, 3) воинский мятеж» (XVII, 188). Далее следовала градация этих преступлений, причем каждому соответствовало около десятка проступков, главным образом «умыслов».

Не случайно на первом месте в перечне злодеяств декабристов Верховный суд поставил цареубийство. О.В. Эдельман отмечала, что император Николай I и его окружение «находились под влиянием идеи об особом метафизическом ужасе намерения цареубийства»³, отсюда и такое пристальное внимание следствия к этим планам. Но замыслы цареубийства остались не реализованными, чего нельзя было сказать о воинском мятеже и бунте, под которым понималось «учреждение и управление тайных обществ, имевших целью бунта», участие в них и «неполное знание сего умысла» (XVII, 189). Нужно сказать, что судей это не смущало.

Статья 1 второй главы Соборного Уложения 1649 г., которое к тому времени еще никто не отменял, гласила: «Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию» (XVII, 191). Также и артикул 19 Воинского устава 1716 г., который был применен к казненным декабристам, определял: «Если кто подданный войска вооружит или оружие предпримет против его величества, или умышлять будет помянутое величество полонить или убить, или учинить ему какое насилие, тогда имеют тот и все оные, которые в том вспомогали или совет свой подали, яко оскорбители величества четвертованы быть и их пожитки забраны», причем «равное наказание чинится над тем, которого преступление хотя к действию и не произведено, но токмо его воля и хотение к тому было и над оным, которое о том сведом был, а не известил» (XVII, 191).

В ходе следствия было установлено, что в тайных обществах планы цареубийства возникали довольно часто, о них знали почти все члены обществ, более того, многие одобряли их, а вызывавшихся и согласных совершить покушение можно было насчитать несколько десятков человек. И удивительно, что смертных приговоров, приведенных в исполнение, было так мало — всего пять. Если бы судьи следовали букве и духу действующих законов, жестоких приговоров было бы много больше. Здесь мы можем, действительно, говорить о милости императора Николая I к своим противникам, хотя современники считали иначе.

² Восстание декабристов: Материалы. М.; Л., 1925–2001. Т. I–XX. (Здесь и далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием римскими цифрами томов, арабскими — страниц).

³ Эдельман О.В. Квантитативный подход к изучению материалов следствия над декабристами // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. IV. С. 57.

Н.И. Тургенев, безусловный либерал, находясь в Европе, в своей оправдательной записке доказывал: «Русское правительство не поняло или, точнее, сделало вид, что не понимает различия между восстанием и царевубийством. Не довольствуясь наказанием восставших, оно еще и приписало им преступления или, вернее, преступные слова, не только не относившиеся к восстанию, но даже несовместимые с ним. Как будто оно задалось целью доказать, что в государстве еще не перевелись царевубийцы»⁴. С точки зрения европейской юриспруденции доказательства Тургенева были вполне обоснованными, он писал: «В какой цивилизованной стране людей обвинили бы за то, что восемью годами ранее, в царствование другого монарха, они высказали и тотчас оставили идею царевубийства? <...> Какими бы возмутительными ни были по сути эти идеи, они не имели никаких последствий, а потому не могли стать основанием для обвинения кого бы то ни было». «Как бы преступны ни были эти мысли, — убеждал своих читателей декабрист, — они были оставлены тотчас после того, как были высказаны, и не могут являться главным основанием для возбуждения обвинения, связанного с событиями, происшедшими в 1825 г., т.е. восемь лет спустя. Право любой страны признает факт преступления лишь в том случае, когда преступное намерение и преступное деяние совпадают по времени»⁵.

М.С. Лунин, как и Н.И. Тургенев, считал, что за разговоры о царевубийстве судить нельзя: «Обвинение в помысле на царевубийство основано лишь на отдельных изречениях, случайных разговорах и на мечтаниях расстроенных умов. <...> Желания, мнения, грезы заключенных превращены в события. За мысль, сегодня выраженную, от которой на завтра же отреклись и не возобновляли ее в течение 10 лет, осуждали, как за убийство!»⁶. Таким образом, либеральное право входило в противоречие с самодержавным русским правом.

Н. Тургенев и М. Лунин писали свои публицистические сочинения много позже произошедших событий и с вполне определенной целью — представить выступление тайного общества как своего рода светлый подвиг в защиту закона, на благо Отечества и народа. Поэтому они оправдывали, игнорировали и даже отрицали факт наличия планов царевубийства в тайных обществах. Но планы были, и предпринимались реальные попытки их осуществления. И здесь возникает вопрос, еще ни разу не ставившийся исследователями: как объясняли себе декабристы необходимость убийства царя и его семьи? Нельзя сказать, что они были людьми кровожадными, кроме того, многие из них были искренне религиозными и не могли не осуждать убийства. Однако в тайных обществах идея царевубийства была принята.

Оправдание этого акта находили в политической целесообразности. Характерным примером может служить показание К.Ф. Рылеева на следствии, взгляды которого на судьбу императорской семьи питались идеями П.И. Пестеля: «Я полагал, что убийство одного императора не только не произведет никакой пользы, но напротив, может быть пагубно для самой цели общества, что оно разделит умы, составит партии, взволнует приверженцев августейшей фамилии, и что все это совокупно, неминуемо поро-

⁴ Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001. С. 110.

⁵ Там же. С. 116.

⁶ Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1988. С. 71, 81.

дит междоусобие и все ужасы народной революции. С истреблением всей императорской фамилии, я думал, что поневоле все партии должны будут соединиться или, по крайней мере, их легче можно будет успокоить» (I, 188–189). Но такой подход не снимал проблемы моральной ответственности декабристов и законности их переворота, и они обратились к истории дворцовых переворотов в России, в которых нашли оправдание и своему восстанию, и замыслам царевубийства.

Так, С.П. Трубецкой писал: «Со времени вступления дома Романовых на российский престол малая только часть государей наследовала его спокойно, по праву своего рождения; но большая часть перемен царствований была следствием насилия или обмана. Ни которое из них, однако же, не было сопровождено такими происшествиями, которым ознаменовано было начало нынешнего царствования»⁷. В этом отрывке подчеркивается исключительность событий, происходивших 14 декабря 1825 г., но вместе с тем они ставятся в один ряд с подобными случаями, отмеченными насильственной сменой монархов. Декабристы, стремившиеся к захвату власти, понимали, что она будет нелегитимна, поэтому они пытались обосновать справедливость своих действий ссылкой на такое же незаконное занятие престола российскими царями.

В этом отношении интересно замечание М.А. Фонвизина: «Петр не издал даже закона о престолонаследии, что при преемниках его было поводом к тем дворцовым переворотам, в которых гвардия, как преторианцы римские, располагала трон»⁸. В действительности указ Петра I о престолонаследии был, он отменял традиционную форму наследования и предоставлял царствующему монарху право самому назначать наследника. Но Петр I так и не сделал своего выбора, чем была вызвана череда политических кризисов в стране. М.А. Фонвизин намеренно искажает факты, говоря об отсутствии закона, дабы выставить русских самодержцев, правивших после Петра I, узурпаторами, которые не имели никакого права на власть. Коллизия с законами о престолонаследии делала любого претендента на русский трон зависимым от случайного стечения обстоятельств. Право назначения монархов приобретает гвардия, роль которой сравнивается с ролью преторианцев времен поздней Римской империи, которые избирали и свергали правителей в зависимости от своих предпочтений.

Николай Тургенев в своей книге «Россия и русские» еще более чем Фонвизин драматизировал ситуацию передачи власти в России: «Вопрос о монархе, — писал он, — решался то каким-нибудь иностранцем — авантюристом, солдатом или лекарем, то своими, местными убийцами»⁹. Здесь, как и в большинстве высказываний декабристов о дворцовых заговорах, ясно выражено негативное к ним отношение. Но вместе с тем история переворотов давала обильную пищу для размышлений, и заставляла внимательно изучать это явление, несмотря на его неприятие. Так, М.С. Лунин и Н.М. Муравьев отмечали, что «перевороты, коими изобилует русская история со времени Петра I-го, любопытны по многим отношениям и прискорбны для русского»¹⁰.

⁷ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983. Т. I. С. 286.

⁸ Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. II. С. 115.

⁹ Тургенев Н.И. Указ. соч. С. 27.

¹⁰ Лунин М.С. Указ. соч. С. 80.

Примечательны рассуждения на эту тему Д.И. Завалишина. Занимаясь исследованием вопроса о причинах, побудивших каждого члена тайного общества декабристов принять идею «насильственного переворота», он обращался к примеру Екатерины II: «Тут представлялась неопровержимая дилемма: если Екатерина II, которой все права истекали из того только, что она была жена Петра III, имела право для блага государства восстать против своего мужа и государя, не отступая и от крайних средств, то, как же может быть воспрещаемо подобное действие коренным русским, для которых благо отечества составляет даже обязанность. Поэтому-то, на основании этого главного примера, все рассуждения в тайных обществах сводились к следующей аргументации: или Екатерина II имела право так действовать для блага отечества, тогда тем более имеет право и всякий русский, или она не имела права, и тогда весь порядок, ею основанный, есть незаконный, а потому всякий русский и имеет право не признавать его»¹¹.

Декабристы руководствовались следующей идеологией: представители царствующей династии занимают престол незаконно и соответственно установленный ими государственный порядок подлежит изменению. Несправедливость данного государственного устройства, по их мнению, заключалась в том, что правители не опирались на твердые законы, а царствовали по своему произволу. Очень показательна в данном случае реплика М.С. Лунина и Н.М. Муравьева: «Петр слывет законодателем России, но где же законы?..»¹²

Выразительно эту мысль высказал А.В. Поджио, рассуждая о Петре I и приводя якобы сказанные им слова по поводу назначения наследника: «“Пусть венец достанется достойнейшему”, — он восклицал, — и сколько в этих словах все того же прежнего произвола. Во-первых, он отвергал законное право на престолонаследие в лице внука, Петра II; во-вторых, таким беззаконием он узаконил все происки, все домогательства к захвату престола, предоставленного произвольным случайностям, и, наконец, ввергал Россию во всю пропасть преследований, ссылок и казней, ознаменующих всякое воцарение»¹³. Самодержавному произволу декабристы пытались противопоставить закон. «Союз, — писал М.С. Лунин, — стремился водворить в отечестве владычество законов, дабы навсегда отстранить необходимость прибегать к средству, противному и справедливости и разуму»¹⁴. Вместе с тем они замыслили противозаконный переворот, оправдывая себя ссылкой на такой же незаконный характер предшествующих переворотов.

Однако этим аргументация членов тайного общества не исчерпывалась. Для обоснования морального права на цареубийство они использовали также традицию тираноборчества. Поставив перед собой задачу истребления монарха, декабристы неизбежно должны были следовать авторитетным моделям, позволяющим наиболее эффективно и, что тоже важно, эффектно провести свою акцию. Наиболее подходящей для этого была тираноборческая модель, направленная на консервацию или восстановление исконно справедливых форм правления (Ср. идеализацию дека-

¹¹ Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 124.

¹² Лунин М.С. Указ. соч. С. 81.

¹³ Поджио А.В. Записки // Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 243.

¹⁴ Лунин М.С. Указ. соч. С. 71.

бристами древнерусских городов-республик Новгорода и Пскова, служащих в их глазах доказательством незаконности самодержавия в России¹⁵).

Традиция тираноборчества имела глубокие исторические корни и являлась авторитетной моделью как в Европе, так и в России¹⁶. Она очень хорошо подходила для оправдания цареубийства. Этой модели должна была соответствовать определенная система поступков и знаков — целый ритуал. Тирана надлежало поразить собственноручно, в идеале кинжалом, убийце следовало остаться на месте преступления и принять заслуженную кару. Тираноборец лишь наказывает узурпатора власти, убивая монарха, он действует по собственной инициативе. Восстанавливая законность, он формально преступает закон и обязан понести наказание за свой поступок¹⁷. Тираноубийство мыслилось как героико-индивидуалистический поступок, совершающийся на глазах пассивного народа, а иногда и вопреки его рабскому противодействию¹⁸.

Таким образом, как справедливо заметил В.С. Парсамов: «Цареубийство неизбежно включает в себя двух контрагентов, которые могут интерпретироваться как жертва и палач и как тиран и тираноборец. Если в первом случае оно приравнивается к простому убийству и заслуживает осуждения, то во втором оно мыслится как акт освобождения некоего третьего от тирании. На первый план выступает идея самопожертвования, которая связывается не с тем, кого убивают, а с тем, кто убивает. Тираноборец жертвует собой во имя отечества»¹⁹. Это и являлось моральным оправданием для декабристов, решившихся на убийство императора.

Первый известный план цареубийства был предложен М.С. Луниным. В передаче П.И. Пестеля он выглядит так: «В 1816-м или 1817-м, в каком именно месте не помню, говорил Лунин, во время разговора нашего об обществе, при мне и при Никите Муравьеве о совершении цареубийства на Царскосельской дороге с партией в масках, когда время придет к действию приступить» (IV, 179). В.С. Парсамов указал, что «значение масок в данном случае не функциональное, а символическое. Вместе с кинжалом они образуют атрибуты трагедии. Вызываясь на цареубийство, Лунин мыслит себя героем великой трагедии, в которой ему предстоит сыграть роль тираноборца, а Александру I отводится роль тирана»²⁰. Не скрыть свои

¹⁵ См.: Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 321–347; *Lübke Christian*. Novgorod in der russischen Literatur (bis zu den Dekabristen) // *Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens*. Band 130. Berlin, 1984.

¹⁶ См.: *Трейман Р.* Тираноборцы. СПб., 1906; *Гессен В.М.* Проблема народного суверенитета в политической доктрине XVI века. СПб., 1913. С. 238–326; *Лотман Ю.М.* В перспективе французской революции // Великая французская революция и пути русского освободительного движения: Тезисы докладов научной конференции (15–17 декабря 1989 г.) Тарту, 1989. С. 3–4.

¹⁷ См.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. М., 1997. С. 32.

¹⁸ См.: *Лотман Ю.М.* Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву» // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 241–242.

¹⁹ *Парсамов В.С.* Декабристы и французский либерализм. М., 2001. С. 164; см. также: *Он же.* Семиотика террора (размышления над книгой М.П. Одесского и Д.М. Фельдмана «Поэтика террора». М., 1997) // Освободительное движение в России. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 119.

²⁰ *Парсамов В.С.* Декабристы и французский либерализм. С. 164.

лица хотели заговорщики, чтобы остаться неузнанными и не понести наказание, а доказать, что они совершают подвиг. И хотя этот план был отклонен, но вовсе не потому, что убийство было признано нецелесообразным или противным нравственности и моральным принципам членов тайного общества, а из-за того, что Пестель, поддержанный другими членами, «слишком еще отдаленным считал время начатия революции» (IV, 179).

Тираноборца никто не уполномочивал быть судьей и палачом, он мог стать только жертвой, поэтому убийца должен был жертвовать собой: моральное право на убийство давалось решимостью принять смерть после покушения на царя. Так в ходе так называемого «Московского заговора» 1817 г.²¹ оформилась модель цареубийства, предложенная И.Д. Якушкиным, которую современные исследователи М.П. Одесский и Д.М. Фельдман называли «дуэльным вариантом»²².

И. Якушкин рассказывал на следствии: «Каким образом хотел я совершить убийство, я не знаю и, сколько могу припомнить, никогда не знал, ибо не имел довольно время, чтобы сие обдумать, но, во всяком случае, предполагал, по совершении оного убить себя» (III, 53). Он сделал свой выбор. Никита Муравьев говорит о намерении Якушкина застрелиться: «Убийца не должен жить, говорил он, я вижу, что судьба меня избрала жертвою. Я убью царя и после застрелюсь» (I, 306–307). И правда, если же он решил убить себя после покушения, то сделать это было вернее при помощи пистолета, а не кинжала. А отсюда происходит и весь план декабриста, рассказанный им в «Записках»: «Я решился по прибытии императора Александра отправиться с двумя пистолетами к Успенскому собору и, когда царь пойдет во дворец из одного пистолета выстрелить в него, из другого в себя. В таком поступке я видел не убийство, а только поединок на смерть обоих»²³.

Следственные документы передают нам, что Якушкин называл себя и убийцей, и жертвой: «убийца не должен жить, — говорил он, — я вижу, что судьба меня избрала жертвою...» (I, 306–307) или «рок избрал меня в жертвы, сделавшись злодеем, я не должен, не могу жить, совершу удар и застрелюсь» (XVII, 27). Убийца и жертва, злодей и жертва в одном лице — это тираноборец, так и мыслил себя Якушкин. Характерно, что он указывал: рок, судьба избрали его в жертву, хотя известно, что он не пожелал подвергнуть себя жребии (III, 42). Решившись убить императора, он знал какая участь его ждет: он должен умереть — этого требовали обстоятельства, это требовалось от тираноборца.

Якушкин не мог соблюсти весь ритуал тираноборческого акта, он не мог остаться на месте живым, быть схваченным и взойти на эшафот. Этим он подвергал тайное общество опасности быть раскрытым и уничтожен-

²¹ См.: Порох И.В. Деятельность декабристов в Москве (1816–1825 гг.) // Декабристы в Москве: Сб. статей. М., 1963. С. 19–20; Пугачев В.В. Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина. Горький, 1967. С. 92; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 84–93; Он же. «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России: Сб. статей. М., 1990. С. 239–250; Туманик Е.Н. А.Н. Муравьев в Союзе Спасения. К политической биографии декабриста // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб., 2004. Вып. VI. С. 226.

²² См.: Одесский М.П., Фельдман Д.М. Указ. соч. С. 109–112.

²³ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 18.

ным, а себя опасности пыток, следовательно, он должен был умереть тут же, и сделать это было всего удобнее с помощью пистолета. Поэтому-то нельзя было воспользоваться античным образцом — сразить тирана кинжалом. Таким образом, покушение не вписывалось в традицию тираноборчества, хотя в понимании Якушкина по сути своей оно было таковым. Сам способ покушения подсказывал обратиться ко второй модели — «дуэльной».

Дуэль же, как и тираноборческий акт, убийством не считалась. Ю.М. Лотман так определяет понятие дуэли для людей того времени: «Дуэль (поединок) — происходящий по определенным правилам парный бой, имеющий целью восстановление чести, снятие с обиженного позорного пятна, нанесенного оскорблением... Дуэль представляет собой определенную процедуру по восстановлению чести и не может быть понята вне самой специфики понятия «честь» в общей системе этики русского европеизированного послепетровского дворянского общества. Естественно, что с позиций, в принципе отвергавшей это понятие, дуэль теряла смысл, превращаясь в ритуализированное убийство»²⁴.

Примечателен ответ Якушкина на предложение А. Муравьева жребием назначить цареубийцу: «Я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести»²⁵. Для Якушкина убийство императора — восстановление чести, ради нее он приносит в жертву свою жизнь. И как справедливо отметил Ю.М. Лотман: «Дуэль с ее строгим ритуалом, представляющая целостное театрализованное действо — жертвоприношение ради чести...»²⁶. Но надо отметить, что Якушкин стремился к восстановлению не столько своей чести, сколько чести России. По его мнению, Александр I оскорбил, унизил отечество своими намерениями: учинить междоусобие, смуту, отдать русские земли Польше. Оскорбление Родины было оскорблением ее защитника. И защита достоинства отечества была защитой чести декабриста. Поэтому Якушкин мог вполне правомерно обратиться к «дуэльному» варианту осмысления своего поступка. Ведь в дуэли, «с одной стороны, могла выступать на первый план узкосословная идея защиты корпоративной чести, а с другой — общечеловеческая, несмотря на архаические формы, идея защиты человеческого достоинства»²⁷. Таким образом, оправдывалась политическая необходимость цареубийства.

Позднее появилась идея создания «обреченного отряда» (*une cohorte perdue*), группы цареубийц, задача которых была устранить монарха и всю его семью. Отряд должен был состоять вне тайного общества, дабы не пятнать его сакральным преступлением. После совершения акта цареубийства им предполагалось пожертвовать, т.е. его намеревались уничтожить. Тайное общество должно было отречься от цареубийства и признать свершивших его преступниками.

Убийство всей императорской семьи оправдать можно было только политическими причинами, вроде тех, которые приводил К.Ф. Рылеев. Планируемое истребление женщин и детей приводило в ужас даже самих организаторов покушения. А.В. Поджио рассказывал на следствии, что в одной из бесед с ним П.И. Пестель предложил: «Давайте... считать жерт-

²⁴ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII — начала XIX века. СПб., 1999. С. 164.

²⁵ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 22.

²⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 174.

²⁷ Там же. С. 166.

вы», и производил счет по пальцам. Поджио стал называть, а он считать; «дойдя до женского пола», Пестель остановился, говоря, «знаете ли, что это дело ужасное», на что Поджио ответил: «Я не менее вас в том уверен». «Сейчас же после сего опять та же рука стала передо мной, — вспоминал подполковник, — и ужасное число было тринадцать! Наконец оставившись, он, видя мое молчание, говорит: так поэтому и конца не будет; ибо также должно будет покуситься и на особ Фамилии в иностранных краях находящихся. Да, я говорю, тогда точно уже конца ужасу сему не будет, ибо у всех великих княгинь есть и дети, ... добавив, впрочем, кто захочет столь окровавленного Престола!» (XI, 76).

Действительно, царский род Романовых был достаточно большим и имел родственников во многих странах Европы: «Лица императорской фамилии, — писал Пестель, — находятся за границу, имеют детей и большие семейства, так что всегда наследник или наследница найдется» (IV, 160), поэтому не представлялось возможным «истребить всех в одно время», а это было, несомненно, залогом успеха революции. Нужно было ограничить число предполагаемых жертв, и для этого были обдуманы две меры: первая — сослаться на «коренной закон», существующий со временем Павла Петровича, «удаляющий женский пол от престола» (IV, 160); вторая — «провозгласить отрешение от всякого наследствия» (XI, 76). Меры достаточно «зыбкие» и могущие возыметь свое действие только в условиях победы вооруженного восстания. Как можно заметить, вся мужская линия Романовых подлежала безусловному уничтожению, исключение составляли дети и женщины и то не все, а преимущественно те, кто находился за границей или мог туда бежать. Таким образом, соответственно количеству жертв, а их насчитывали тринадцать, следовало набрать и членов «обремененного отряда».

Навербовать же его было невероятно сложно, так как нужно было искать людей с качествами наемных убийц, не обремененных моральными принципами и религиозными убеждениями. А.П. Барятинский, которому поручили сформировать отряд, сообщал Пестелю, «что все свицкие офицеры пылают ревностью к цели общества; но сие не означало, чтобы можно было составить из них шайку убийц» (X, 280).

Предполагалось также «употребить разжалованных офицеров, ... представляя им, что это единственный способ возратить потерянное» (IX, 90). Еще в начале 1824 г. П.И. Пестель говорил С.П. Трубецкому, что для убийства императора «можно употребить какого-нибудь человека, обществу не принадлежащего, что много есть разжалованных ... стоит только дать случай, поставить на часы» (I, 91).

Но набрать группу заговорщиков, готовых стать цареубийцами, удалось лишь М.П. Бестужеву-Рюмину, он нашел их в «Обществе соединенных славян». В «славянах» Бестужев видел именно исполнителей убийства, способных устранить главное препятствие на пути революции — членов царской семьи. Такими их видел и С. Муравьев-Апостол: «Вы этих собак, «славян», держите в руках, — говорил он И.И. Горбачевскому, — это цепные бешеные собаки, которых только тогда надобно спускать с цепей, когда придет время действовать»²⁸.

²⁸ Горбачевский И.И. Записки и письма. М., 1963. С. 176; см. также: Киянская О.В. Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 — 3 января 1826). М., 1997. С. 55.

Следует отметить, что, все-таки набирая «обреченный отряд», вербовщики для агитации использовали тираноборческие образы, поэтому согласие на убийство членов царской семьи не вызывало отвращения ни у самих вступавших в отряд, ни у их товарищей по обществу. Так, в одном из разговоров с М.П. Бестужевым-Рюминым А.В. Поджио сообщил, что «готов быть одним из заговорщиков». Бестужев, спросив, хорошо ли обдумал Поджио свое намерение, и получив утвердительный ответ, стал говорить «кучу комплементов ... лстя самолюбию ... новообращенного». В частности, он сказал, что Поджио «проявил характер истинно римский». Бестужев имел в виду, очевидно, Брута иставлял Иосифа как истинного тираноборца, а не вульгарного убийцу (XII, 155).

В своих показаниях А.И. Майборода, предавший П.И. Пестеля и выдавший царю тайное общество, рассказывает примечательный эпизод: «Перед поездкою моею в Москву однажды вечером был я у полковника Пестеля, где слышал суждения его и майора Лорера, говоривших о поступке воспитанника Гетенгенского Университета, дух и решимость коего они непомерно выхваляли, я спросил Пестеля, кто такой Занд, на что он отвечал, это тот самый, который убил Коцебу; и на сем разговор наш кончился, ибо кто-то пришедший из посторонних помешал продолжать оный...» (IV, 28). Если учесть, что капитан А.И. Майборода собирался в Москву в начале 1825 г.²⁹, а покушение К. Занда произошло в 1819 г., то выходит, что этот разговор об убийстве А. Коцебу не был обыкновенным обсуждением европейских новостей. По всей видимости, беседа преследовала другие цели, можно предположить, что в ходе нее П. Пестель и Н.И. Лорер старались выяснить отношение А. Майбороды к политическим убийствам как таковым или же пытались склонить его согласиться на цареубийство или какую-нибудь другую аналогичную акцию. На это указывает то, что декабристы восхваляли «дух и решимость» Занда и что разговор кончился, как только вошел кто-то посторонний. Если бы говорили только об убийстве писателя, то, наверняка, нечего было опасаться, но если поступок немецкого студента приравнивался к тираноборческому акту и разговор шел о конкретном убийстве тирана, цареубийстве, конечно, он мог повести за собой непредсказуемые последствия. Примечательно, что А.И. Майборода, доносивший на тайное общество, счел своим долгом упомянуть об этом разговоре членов Южного общества. Вряд ли он стал бы говорить о ничего не значащей беседе, не имевшей никакого значения. Но, видимо, сам доносчик так до конца и не разобрался в ее важности, он плохо представлял себе кто такой Занд и как его пример может воздействовать на заговорщиков.

Точно так же, как и Пестель, образ Занда использовал К.Ф. Рылеев. В своих показаниях на следствии П.Г. Каховский свидетельствовал: «Рылеев, видя во мне страстную любовь к родине и свободе, пылкость и решительность характера; стал действовать так, чтобы приготовить меня быть кинжалом в руках его... он представлял мне в пример Брута, Занда; — даже Соловьева, который убил Батурина!» (I, 373). Рылеев, готовя Каховского на роль цареубийцы, приводил ему на память различные тираноборческие акты: классический пример Брута, намерение А.И. Якубо-

²⁹ *Киянская О.В.* Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002. С. 257–258.

вича убить Александра I, и убийство «лейб-егерского капитана Батурина, незадолго до того зарезанного в казарме рядовым своей роты» Соловьевым³⁰, и среди них поступок Занда. Характерно, что П. Каховский отрицательно относился к намерению Якубовича и преступлению Соловьева, так как они, по его мнению, руководствовались личным мщением (I, 374), но по указанию Рылеева защищал Занда (I, 373).

К.Ф. Рылеев использовал имя Занда также для пропаганды идеи цареубийства прежде всего среди членов тайного общества, которые не все были согласны с этой мерой, и для формирования положительного облика Каховского, вызвавшегося исполнить покушение³¹. По воспоминаниям Е.П. Оболенского, К.Ф. Рылеев «высоко ценил его душевные качества... и видел в нем второго Занда»³². Как вспоминал В.И. Штейнгейль, К.Ф. Рылеев всем объявлял, что Каховский «сам предложил себя на случай надобности в сеиды»³³.

Для распространения тираноборческих идей декабристы использовали и поэтические произведения, одним из которых был пушкинский «Кинжал». В стихотворении А.С. Пушкин поместил очень сочувственные строки об убийце А. Коцебу, что дало право А.А. Родзянки в своей сатире «Два века» назвать его: «Гимн Занду»³⁴. М.П. Бестужев-Рюмин, агитируя членов общества «Соединенные славяне» вступать в отряд цареубийц³⁵, на одном из собраний читал «Кинжал» наизусть и после распространял его в списках³⁶.

При уговорах кого-либо на цареубийство использовалось имя не только К. Занда, но и Л.—П. Лувеля. И этому есть примеры. Так, летом 1825 г. на одном из совещаний Северного общества А.А. Бестужев при участии К.Ф. Рылеева и А.И. Одоевского убеждал А.И. Якубовича отложить свое намерение совершить покушение на Александра I, так как убийство одного императора было признано мерой недостаточной: «надобно уничтожить всю фамилию... чтоб не оставить точки опоры приверженцам» династии (I, 457; II, 289), и потому и надо подождать, пока не составит партия цареубийц. Аргументы, которые приводил при этом А. Бестужев, очень показательны. Он говорил, что «многих Лувелей найти нет физической возможности» (I, 457) и что «Равальяки родятся веками, — но к счастью человечества не дюжинами» (I, 435).

Надо отметить, что сравнение Лувеля и убийцы Генриха IV проводилось не впервые, оно было очень популярно. Ф.—Р. Шатобриан в своей книге о смерти французского принца сопоставлял убийство герцога Беррий-

³⁰ См.: Гангеблов А.С. Воспоминания декабриста. М., 1888. С. 16.

³¹ А.А. Бестужев убеждал следователей по делу 14 декабря 1825 г., что Каховский ему «не очень нравился, ибо назначался для нанесения удара» (I, 445).

³² Оболенский Е.П. Воспоминания о Кондратии Федоровиче Рылееве // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 86.

³³ См.: Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 151.

³⁴ См.: Вацуро В.Э. Пушкин и Аркадий Родзянка (из истории гражданской поэзии 1820-х годов) // Вацуро В.Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 71, 75.

³⁵ См.: Киянская О.В. Декабрист Михаил Бестужев-Рюмин // Отечественная история. 2001. № 6. С. 8—12.

³⁶ См.: Щеголев П.Е. Император Николай I и Пушкин в 1826 году // Щеголев П.Е. Первенцы русской свободы. М., 1987. С. 313—314; Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 355—358; Пугачев В.В. Новые данные о Пушкине и декабристах // Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979. С. 124—125.

ского и Генриха IV: «Нынешний народ, — писал он, — приобвыкнувший к убийствам, помнит и убийство Генриха IV, но кинжал Равальяка не имел еще последователей. Хочет ли он, по крайней мере, представить себе всю великость последнего пожертвования?»³⁷ Шатобриан отмечал, что герцог Беррийский и Генрих IV оба пали на празднике³⁸, что «нож, которым принц поражен, был... как и нож Равальяка»³⁹, и тело герцога Беррийского принесли «под своды той же залы, где лежало некогда тело Генриха IV»⁴⁰.

Императора Александра I также многие сравнивали с Генрихом IV⁴¹, поэтому упоминание имен Лувеля и Равальяка в разговорах о цареубийстве весьма симптоматично и говорит о многовариантности привлекаемых образов для обоснования убийства императора. Роль Равальяка примеривал на себя и В.К. Кюхельбекер (II, 157), пытавшийся во время восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. убить великого князя Михаила Павловича. Видимо, поэт был вдохновлен и другим тираноборческим прецедентом — убийством принца Беррийского и личностью самого Лувеля.

Нужно сказать, что подобная пропаганда возымела свое действие. Ф.Ф. Вадковский готовился на «главную роль» — предводителя отряда цареубийц, ему надлежало «нанести первый удар государю» (XIII, 121). Он прекрасно понимал, что убийство «должно быть вне общества, дабы не возвести на оное тяжесть такого преступления» (XI, 227) и сознательно обрекал себя.

Каховский, желая принести себя в жертву свободе, восклицал: «Для блага отечества я готов был и отца моего принести на жертву. Я так чувствовал». Он «для пользы отечества не видал преступления» (I, 347–348), и его легко было убедить согласиться на цареубийство. Даже когда Александр Бестужев сообщил ему, что «тем, которые решатся истребить царствующую фамилию, дадутся все средства бежать из России; но если попадутся, то должны показать, что не были в обществе; потому что общество через то может пострадать, цареубийство, для какой бы то цели не было, всегда народу кажется преступлением» (I, 363). Каховского «поразил не самый поступок, но наказание за оный и худая за то слава даже в свободном правлении» (I, 454). «Какой же сумасшедший захочет это сделать? Когда и самые товарищи его не признают, и на него же изольют хулу и казни, а прочие будут в славе, и силе, и на первых местах?», — спрашивал он (I, 454).

Примечательно, что сами организаторы цареубийства прекрасно осознавали преступность и аморальность своих действий. Они не только подговаривали совершить сакральное преступление (личность монарха священна), но и предавали тех, кого посылали собой жертвовать. Однако Пестель убеждал своих сообщников, что «заговор... удобнее... исполнить особым составом членов вне общества». Это «ему и подало мысль соста-

³⁷ Шатобриан Ф.—Р. Записки о жизни и смерти Карла-Фердинанда-Д'Артуа, герцога Беррийского. М., 1821. Ч. I. С. 7.

³⁸ Там же. С. 86.

³⁹ Там же. С. 103.

⁴⁰ Там же. С. 132.

⁴¹ См.: Парсамов В.С. «Апокалипсис Дипломатии» («Акт о Священном Союзе» в интерпретации К.—В. Меттерниха, баронессы Крюденер, Жозефа де Местра и Александра Стурдзы) // Освободительное движение в России. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 56–61; Он же. Жозеф де Местр и Александр Стурдза. Саратов, 2004. С. 93–100.

вить, — как он называл, — *une cohorte perdue*»⁴²(IV, 186). «Намерение извести государя императора, конечно, ведет к составлению таковой партии» (IV, 159), но «если бы таковая партия была составлена из отважных людей вне общества, то сие бы еще полезнее было...» (IV, 180).

Пестель понимал, что «такой ужасный поступок заставит не только Россию, но и весь свет гнушаться обществом на него покусившимся» (I, 87), «убийцы будут гнусны народу» (I, 27), а «люди, обагренные кровью, будут посрамлены в общем мнении, которое не даст им после того пользоваться похищенною ими властью» (I, 324). Понимал он также и то, «что если общество даже только воспользуется убийством, хотя бы и без его ведома учиненным, то оно никогда не сможет заставить верить, чтоб такое убийство было сделано без его участия или согласия, что от такого пятна общество никогда омыться не возможет и в самом начале своего действия потеряет доверие и восставит против себя...» (I, 87), потому «избранные... должны находиться вне общества, которое после удаи своей пожертвует ими и объявит, что оно мстит (Sic!) за императорскую фамилию» (I, 324), а само «общество должно было производить свое действие тайным образом, чтобы создать общее политическое мнение на счет введения нового порядка вещей» (IX, 254–255).

Тайные общества недостатка в потенциальных цареубийцах никогда не испытывали. Но если на начальном этапе можно было наблюдать своеобразные «конкурсы проектов цареубийства» и тираноборцы находились сами, то с осознанием необходимости истребления всей императорской семьи и появлением идеи «обреченного отряда» на покушение приходилось уже уговаривать. Однако использование тираноборческой модели при агитации заговорщиков приносило свои плоды. Эта модель, а также политическая необходимость могли оправдать даже такое преступление, как убийство женщин и детей царского происхождения.

Таким образом, право на убийство в правовой культуре декабристов подкреплялось убеждением, что правление дома Романовых незаконно, так как большинство его представителей занимали престол в результате государственного переворота и узурпации власти, а потому они объявлялись тиранами, уничтожение которых не преступление, а подвиг.

⁴² «Обреченный отряд» — (фр.).